

Г. В. ОБАТНИН (Хельсинки)

«ТАЙНА ВЯЧЕСЛАВА»

(Из истории писательского интереса к В. Иванову)¹

Седьмого января 1910 г. Е. К. Герцык сообщала В. К. Шварсалон в Петербург новости об общих московских знакомых: «Бердяев последнее время оч^{ень} остро стал ощущать свою неспособность общения, и именно с теми, с кем ему хотелось — в ком молодая дерзкая жизнь — и все старается разгадать тайну Вячеслава, его влияния на людей»². В самом деле, Иванов в течение всего своего литературного периода биографии, даже в, казалось бы, одинокий эмигрантский период, притягивал к себе молодых писателей. В истории этого, как и в любой другой, были периоды большей или меньшей интенсивности, что требует еще детального изучения, вкладом в которое являться предлагаемые ниже эпизоды.

1

Письмо к Иванову, которое послужило для нас отправной точкой, принадлежит человеку, который не был политическим эмигрантом, хотя провел за границей большую часть своей жизни. Поэтому неудивительно, что тема эмиграции у А. Ахматовой оформляется именно в стихотворных обращениях к Борису Васильевичу Анрепу (1883–1969)³.

¹ Приношу свою благодарность А. Л. Соболеву и Р. Д. Тименчику, взявшим на себя труд прочесть эту работу и обогатившим ее рядом существенных замечаний и дополнений.

² Сестры Герцык. Письма / Сост. и коммент. Т. Н. Жуковской. СПб.; М., 2002. С. 618.

³ Это в первую очередь стихотворения «Ты — отступник: за остров зеленый...» (1917) и «Когда в тоске самоубийства...» (1918); см. подробнее: Тамарченко А. «Так не зря мы вместе бедовали...» (Тема эмиграции в поэзии Анны Ахматовой) // Царственное слово: Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 1. С. 73–76.

<по шт. 15?4.12> Лиговка 3

Дорогой Вячеслав Иванович, я ушел от Вас вчера, не простившись и теперь сожалею об этом, потому что непременно хотел сказать Вам о теплой неожиданной любви, которая возникла во мне к Вашей возвышенной чистой пленительной личности.

Благодарю за внимание, с которым Вы слушали песню о Физе¹ и за удовольствие, которое Вы мне доставили, позвав меня к себе.

Глубоко уважающий Вас

Б. Анреп²

Письмо Анрепа давно известно специалистам. Например, в предисловии к републикации его мемуарного очерка «О черном кольце» Р. Д. Тименчик цитирует начало последнего абзаца³. В одном из мемуаров Анрепа рассказывается

¹ В. В. Сердечная возводит имя героя и, соответственно, название поэмы Анрепа к библейскому женскому имени Tizrah (Числа 26:33), которое использовал У. Блейк (см.: *Сердечная В. В.* «Русский Блейк» и Борис Анреп // Вопросы литературы. 2015. Вып. 5. С. 234). В церковно-славянском переводе оно стало Ферсой (а в русском Фирдой), так что с той же степенью приближенности его можно возвести к сборнику Пьера Лоти «Цветы скуки» (1882). Он представляет собой свободный диалог между Лоти и его вымышленным героем Плюмкетом с вкраплениями рассказов. Среди прочего здесь помещена новелла «Три дамы из Казбаха», многократно изданная на русском отдельно, которая повествует о трех проститутках по имени Кадиджа, Фатьма и Физа (Fizah), отчаянно скучающих в алжирском городе (*Лоти Пьер*. Полн. собр. соч. СПб., 1901. Т. 5. С. 325). Интересно, что Физу Анрепа В. Пяст запомнил как «какую-то скандинавку» (*Пяст В. А.* Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М., 1997. С. 143). Но, разумеется, это могло быть вызвано наличием двух жен у героя, «темным стилем» произведения и, наконец, обыкновенной аберрацией памяти.

² НИОР РГБ. Ф.109. Карт. 11. Ед. хр. 45. Л. 1–2.

³ См.: *Анреп Борис*. О черном кольце / Вступ. заметка, публ., примеч. Р. Тименчика // Литературное обозрение. 1989. № 6. С. 58 (здесь письмо однозначно датируется 15 апреля). Здесь же (С. 57) цитируется и письмо Недоброво к Иванову от 25 сентября 1913 г., где рассказывается о деятельности Анрепа в Англии и, в частности, о подробностях английского издания «Введения в книгу Анрепа». Судя по этому письму, друзья ждали выхода неоднократно объявленной книги Иванова «Религия Диониса»: «Выхода Вашей книги о Дионисе жду я с большим нетерпением; это нетерпение разделяет со мною и Анреп, который поручил

о двух встречах с Ивановым, в первый раз на Таврической и второй раз у Н. В. Недоброво. Последний и передал приглашение хозяина посетить «башню»: «Недоброво сказал мне, что Вячеслав Иванов хочет познакомиться со мной и приглашает меня на вечеринку к себе, где соберутся несколько молодых поэтов», неожиданно спрошенный Анреп от смущения осудил избыточный мифологический антураж в стихах одного из присутствующих, что при Иванове выглядело неуместным, и он постарался незаметно покинуть собрание¹. Однако чтение «Физы», если верить Анрепу, состоялось в другой раз:

«В другой мой приезд в Петербург Недоброво сообщил мне, что Вячеслав Иванов хотел бы послушать мою «Физа», о которой Недоброво ему лично говорил. Недоброво устроил свидание у себя, на Конногвардейской, недалеко от Государственной Думы². <...> Я с трепетом явился: — Это экзамен, — думал я. — Вячеслав Иванов, большое известное лицо в литературном мире, скажет несколько добрых слов.

Недоброво усадил меня и прошептал:

— Не волнуйся, читай, как читал нам.

Я извинился, что поэма немного длинная.

— Это ничего, — сказал В. Иванов, — поэмы всегда длинные.

Волнение пропало, я читал и кончил, возбужденный собственным творением. Любовь Александровна³ встала и душевно поцеловала меня. Я слышал, как Н. В. сказал В. Иванову:

мне передать Вам его поклон при первом же моем к Вам обращении» (цит. по фотокопии: РАИ. Оп. 5. Карт. 8 Папка 6. Л. 11; <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-5/karton-08/p06/op5-k08-p06-f21.jpg>; дата просмотра 30.05.2019).

¹ Следов этого события пока выявлено не много. Вполне возможно, что к нему относится один из списков имен, сохранившийся среди бумаг В. К. Шварсалон и помеченный как «Личные <гости> Ив<ановой>-Шв<арсалон>». Здесь фамилия ее подруги по Бестужевским курсам А. Г. Прокопе вписана рядом с именем Кузмина, а также «Святополк-М<ирского>», Анрепа, Слезкина, и даже «Конгиссера <так!>» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 47. Ед. хр. 27. Л. 4).

² Таврическая улица, где проживал Иванов, также находится буквально за углом.

³ Л. А. Недоброво (1875–1924), жена писателя.

— Не правда ли, это то, что я вам говорил?

Вячеслав Иванов кивнул головой.

— Меня поражает, что Борис Васильевич, вдали от всяких литературных кругов, мог так писать!

Вячеслав Иванов и я сидели несколько минут одни в комнате.

— Меня очень тронуло, что в вашей поэме вы совершенно остаетесь «беззащитны». — Я не понял, что он хотел этим сказать.

— Защищать себя было бы отрицать себя, — ответил я.

— Вы правы, это я ценю!¹

Очевидно, что ни один из этих мемуарных рассказов не соответствует приведенному письму Анрепа. Уйти от Иванова «по-английски», не попросившись, он мог именно из собрания, где читал свою поэму. Однако не менее интересен и вопрос, чем именно она могла понравится старшему товарищу, пусть даже тот и был подготовлен к ее прослушиванию Недоброво. В тексте поэмы бросается в глаза близкий Иванову прием, которым не раз пользуется Анреп в своем «выспреннем» стиле — актуализация внутренней формы слова. Например, судебный термин в словах Физы употреблен в ином смысле: «Я в иске суетлив пребываю», а сочетание «иступил взоры» заставляет задуматься не только о клише «потупить взгляд», но вспомнить сочетание «острый взгляд»; выражение «око заочное» также останавливает читательское внимание. Могли быть замечены Ивановым и «греческий» окказиональный эпитет «светоточивый», и такие характерные приметы его поэтического словаря, как слова «перевитый» или «ложница»². Но не менее вероятно и то, что писателя мог заинтересовать сам жанр, который мыслился Анрепом, склонного к сочинению метафизических поэм, как эпический. Для этого достаточно привести названия других его сочинений, «Создание

¹ Из ахматовских материалов в архиве Гуверовского института / Публ. Л. Флейшмана // Ахматовский сборник / Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 176–177.

² [Анреп Б.] Физа // Фарджен А. Приключения русского художника. Биография Бориса Анрепа. М., 2016. С. 358, 362, 363. Нельзя, впрочем, не заметить, что опубликованный здесь текст поэмы все еще нуждается в текстологической подготовке.

мира» (1904) и «Сотворение человека» (1905), оба ныне опубликованы по автографам из архива Н. В. Недоброво в Пушкинском Доме¹. Для друга Анреп перебелил также свою поэму «Сказка», датировав ее «третьим годом», написанную в форме фольклорной стилизации («За лесами за дремучими, / за водами за текучими / чисто поле колыхалось...» и т. д.²), ближайшего стилистического контекста для зреющей в творческом сознании Иванова «Повести о Светомире Царевиче».

Поэмы Анрепа нередко построены на эпическом повороте. А. Ахматова поставила одну такую рекуррентную строку, «Я пою, и лес зеленеет», эпиграфом к циклу с характерным названием «Эпические могилы» (промежуточные названия «Отрывки из поэмы» и «Маленькая поэма»), состоявшему из текстов 1913–1916 гг. Эта фраза имеет ключевое значение для поэмы Анрепа, носившей ивановское название «Человек». Она была опубликована в «Альманахе Муз» (1916), где, кстати, был помещен и цикл Иванова «Элевсинская весна», и поэтому считалось, что Ахматова

¹ См.: Из творческого наследия Бориса Анрепа / Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. В. В. Сердечной // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение*. М., 2018. Вып. X. С. 156–171.

² ИРЛИ. Ф. 201. № 53. Л. 60–65. Типологически это можно сравнить с творчеством важного для биографии Анрепа художника Д. С. Стеллецкого, не раз практиковавшего стилизации под иконопись и древнерусские летописные миниатюры. В указанной работе В. В. Сердечной публикуется также картина Стеллецкого, созданная по мотивам поэмы Анрепа «Сотворение Человека». Попутно отметим фрагмент из письма Недоброво к Анрепу 1910 г., оставленный публикатором по понятным причинам без комментария: «Одною из драгоценнейших твоих способностей является проникновение в чувственную, плотскую жизнь других людей; ты именно умеешь быть в чужой шкуре — помнишь: мои руки протянулись в твои?» (К истории русской литературы 1910-х годов. Письма Н. В. Недоброво к Б. В. Анрепу / Публ. Г. П. Струве // *Slavica Hierosolymitana*. 1981. Vol. V–VI. С. 433). Здесь содержится намек на стихотворение, входящее в тетрадь с произведениями Анрепа: «Свершилось таинство; / в твое нутро я проник; / ушел в него весь, / и, выпрямившись, встал — / мои ноги опустились в твои, / мои руки протянулись в твои, / твоей оболочкой обтянутый, / воздеваю руки, твои подымая, / своим дыханием шевелю твою грудь, / и, прильнув к твоим чистым зрачкам, глаза мои видят сквозь них. / Так поселившись в тебе, я блажен» (ИРЛИ. Ф. 201. № 53. Л. 67).

взяла ее именно оттуда¹. Однако теперь мы знаем, что в «Физе» эту фразу перед своей смертью произносит одна из двух женщин заглавного героя², Мая, имя которой, возможно, соотносимо с первыми буквами фамилии возлюбленной Анрепа Хелен Мейтланд (Maitland), в то время как имя второй жены Физы совпадает с именем супруги Анрепа Юнии Павловны Хитрово. Судя по дате на одном из черновых автографов, частично сохранившегося в архиве Недоброво, «Человек», скорее всего, был начат раньше «Физы», 5 июня 1908 г. в Париже, причем автор колебался в своем выборе, назвав его сначала «Человеком», а потом зачеркнув и написав «Творенья человека»³. Поскольку «Физа» и «Человек» связаны друг с другом, не исключено, что при чтении первой вторая поэма также могла упоминаться в разговоре⁴.

¹ Указание на «Человека» как на источник цитаты является общим местом ряда исследований и комментариев, см., например, в работе: *Kaznina O. Boris Anrep. A Russian artist in an English interior // Journal of European studies*. 2005. Vol. 35. № 3. P. 342.

² См.: «Но что сыну моему в наследство? / Только заглавие песни и размер: / — Я пою, и лес зеленеет» ([*Анреп Б.*] Физа. С. 373).

³ ИРЛИ. Ф. 20. № 50. Л. 1. Ключевой характер этой фразы подтверждается ее присутствием и в беловом автографе, и в черновом варианте текста, где отсутствует разбивка на главы, и в беловом полном варианте текста (ИРЛИ. Ф. 201. № 50. Л. 7, 8, 13, [13]). Любопытно, что сохранился автограф, где первые четыре главы поэмы были записаны прозой, подобно графическому оформлению «Foreword to the Book of Anrep» (Там же. Л. [1–5 об.]). Варианты заглавия, «Человек и его творение» и «Творенья человека», вкуче с наброском плана см. также: ИРЛИ. Ф. 201. № 53. Л. 100 об. Текст поэмы опубликован по печатному варианту в составе работы: *Сердечная В. В.* Поэмы Бориса Анрепа «Foreword to the Book of Anrep» и «Человек» // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение*. М., 2018. Вып. IX. С. 150–161.

⁴ Впечатление от общения с Анрепом отразилось в стихотворном послании Иванова к Недоброво из «Нежной тайны»: «Ты ж и твой ласковый друг, с глядящими в душу глазами, / Мнитель, ревнивец, одни быть господами земель — / Той, чье мне каменье ты самоцветное на руку сыпал, — / Той, чьи в теплицах его странные дышат цветы?» (*Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 52). Разъяснение строк находится в письме Недоброво к Иванову от 19 января 1913 г.: «Как-то раз, вернувшись домой, я застаю у нас Скалдина. Л<юбовь> А<лександровна> говорит мне: “Вот, Алексей Дмитриевич принес стихи Вячеслава Ивановича к Вам: читайте скорее”. Я с понятной радостью поспешно взял стихи, прочел их сначала вслух, потом про себя и сказал: “Как хорошо! И как глубина сочувствия В. И. ко мне выразилась в том, что он

Таким образом, отзыв Иванова находится в контексте его размышлений зимы-весны 1912 г. над путями развития поэзии¹. Напомним, что 11 марта он читал речь на чествовании Бальмонта, которая легла в основу статьи «О лиризме Бальмонта», а 3 мая закончил статью «Манера, лицо и стиль», которую можно рассматривать как итог его наблюдений над «эстетикой словесного творчества», если воспользоваться формулой М. Бахтина. В том же номере «Трудов и дней», где была опубликована эта статья, вышла и его единственная за все время существования журнала рецензия, в том числе на сборники М. Зенкевича и Е. Гуро, в первоначальный замысел которой входило поговорить о «Ночных часах» Блока, «Зеркале теней» Брюсова и о Клюеве. Не исключено, что такое стремление печатно сообщить свои мнения и размышления о литературе было не в последнюю очередь вызвано известным заседанием Общества ревнителей художественного слова 18 февраля 1912 г., где некоторые из близких к Иванову молодых писателей заявили о своем разрыве с символизмом. Возможно, это отчасти обусловило его намерение соединить «Манеру,

упомянул в этих стихах об Анрепе — мне это душу трогает». И Л. А. и Скалдин смотрят на меня и шире открывают глаза: “Об Анрепе?” — “Да”, — говорю я, и объясняю. А они без меня, толкуя о помянутом там друге, поняли, что это Л. А.; она уже и принялась в душе тщеславиться этим упоминанием. Стихи, посланные мною Анрепу, наполнили теплою и его сердце. Таким образом, скольким людям доставили Вы удовольствие!» (цит. по фотокопии: РАИ. Оп. 5. Карт. 8. Папка 6. Л. 7–7 об.; см.: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-5/karton-08/p06/op5-k08-p06-f12.jpg>; дата просмотра 15.05.2019).

¹ О влиянии творчества Блейка и Шелли на поэмы Анрепа упоминается в словарной статье: *Тименчик Р. Д.* Анреп Борис Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 90). Подробнее эту тему разработала в серии публикаций В. В. Сердечная, любезно приславшая нам некоторые из них: 1) «Русский Блейк» и Борис Анреп // Вопросы литературы. 2015. Вып. 5. С. 225–242; 2) Русско-английский диалог через века: Борис Анреп — творческий наследник Уильяма Блейка // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2018. Вып. IX. С. 26–38; 3) Неопубликованная поэма Бориса Анрепа «Владимир» в контексте русской блейкианы // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2018. Вып. IX. С. 39–45; 4) Уильям Блейк в культуре русского зарубежья: аллюзия в «Лолите» Владимира Набокова и творчество Бориса Анрепа // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 230–237.

лицо и стиль» с ответом на анкету об эпидемии самоубийств среди молодежи, готовя ее к перепечатке в сборнике своих статей¹.

Почти случайным гостем на заседании 18 февраля был поэт из Литвы Георгий Адольфович Тотс (1891–1991). Фрагмент из его автобиографии, посвященный знакомству и посещению Иванова, был с насыщенными комментариями опубликован еще в 1988 году М. В. Безродным и Р. Д. Тименчиком, однако три его письма к поэту все еще ждут внимания читателей. Напомним, что Тотс приехал в Петербург по приглашению Е. А. Ляцкого в конце ноября 1911 г., но вскоре получил нового гида по литературному Петербургу в лице С. Городецкого. Его письмо к Иванову от 23 января 1912 г. с рекомендацией принять Тотса также было приведено в предисловии к упомянутой публикации его мемуаров². На следующий день сам Тотс писал Иванову:

24. I/1912 г.

Милостивый Государь Вячеслав Иванович.

Буду очень признателен Вам, если Вы не откажетесь принять меня в час и день, которые сочтете для себя как более удобными.

Мой адрес: Таврическая, д. № 3/2, кв. 18. Г. А. Тотсу.

Вас Уважающий

Г. Тотс³

В воспоминаниях Тотса нет никаких определенных сведений о том, состоялось ли это посещение. Оставив достаточно критические суждения о Городецком, посредником в своем знакомстве с Ивановым потом он назвал Андрея

¹ См. об этом нашу работу: *Обатнин Г. В.* Размышления над текстологией статьи Вяч. Иванова «Манера, лицо и стиль» // Русский модернизм: Проблемы текстологии. СПб., 2001. С. 209–216.

² *Тотс Г. А.* «Зарево большого города...»: Страницы из воспоминаний / Публ. М. В. Безродного, вступ. ст. и примеч. М. В. Безродного и Р. Д. Тименчика // Литературное обозрение. 1988. № 11. С. 108.

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 40. Л. 1. В письме указан адрес Е. А. Ляцкого, в квартире которого остановился Тотс. Здесь же находится конверт без почтовых штемпелей, видимо, письмо было оставлено у швейцара.

Белого, которого, как и многих других литераторов, встретил у Ляцкого. Судя по всему, поэт по какой-то причине так и не зашел к Иванову в январе, поскольку, когда его привел Белый, Иванов «был крайне озадачен моим приходом и долго не мог понять из сбивчивых объяснений Белого, чего, собственно, я от него хочу»¹. Но во втором письме, написанном уже осенью, когда Иванова давно не было в Петербурге, память Тотса еще хранила свою свежесть:

24. X. 1912 г.

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Я тот самый молодой человек, который в феврале месяце 1912 г.², в присутствии Бориса Николаевича Бугаева читал Вам свои стихи. Это было у Вас на квартире, и я пришел к Вам по рекомендации Сергея Городецкого. Может быть, Вы меня помните.

Ваши вдумчивые отзывы о моих стихах дают мне некоторую надежду, что Вы и теперь мне ответите.

Ваше мнение мне особенно дорого, потому что Вы единственный угадали истинное происхождение моих стихов — из Музыки³.

Очень прошу Вас написать мне несколько слов о прилагаемых стихотворениях. Вы окажете мне этим большую пользу.

¹ *Тотс Г. А.* «Зарево большого города...». С. 110. В интервью, записанном 19 июля 1991 г. и ныне доступном в интернете, Тотс, нарушая хронологию событий, сообщает, что познакомился с Городецким после Белого (см.: <https://www.youtube.com/watch?v=2HSewHh974U>; дата просмотра 15 мая 2019 г.).

² По датировке Безродного и Тименчика встреча состоялась 14 февраля. Отметим, что 9 февраля того же года Тотс написал и письмо к Сологубу с просьбой прийти и показать ему свои стихи (*Тотс Г. А.* «Зарево большого города...». С. 108).

³ Описание Тотсом убранства ивановского кабинета с его «гигантским письменным столом совершенно необычной формы» памятно любому ивановеду. Молодой писатель просидел у Иванова до 11 часов вечера, читая ему свои стихи, которые «были одобрены, и была подчеркнута музыкальная их основа», а сам вечер оставил у него «одно из самых ценных воспоминаний общения с людьми, мистически близкими мне по мысли» (*Тотс Г. А.* «Зарево большого города...». С. 111); стоит добавить, что в дальнейшем Тотс стал антропософом.

Извиняюсь за причиненное беспокойство.
Искренно Вас уважающий

Георгий Тотс

Мой адрес:
г. Новоалександровск
Ковенской губ.¹
Г. А. Тотсу²

На обороте письма было написано стихотворение «В белом кольце» («В бледном лунном озаренье, / Под покровом смуглой тьмы, / Спят и грезят в сновиденьи / Отдаленные холмы. <...>»), а кроме того, на двух сложенных листах из ученической тетради в клетку было переписано еще семь текстов, которые мы приводим по первой строке: «Миг встречи» («Наши касания — всплески серебряных струй...»), «Любовь» («Люблю, опять люблю, как я любил когда-то...»), «Мироздание» («Мне рисуется все Мироздание»), «Возвешение», «В ветрах воспоминаний» («К моей душе с пленительным роптаньем»), «В ночь» («Далек наш путь. На колесницах грезы») и «Весеннее» («Первая греза. Истома. Тело, как белый цветок»)³. Одно из стихотворений Тотса, с которым он ознакомил Иванова, напечатанное первым в его единственном сборнике стихов под тем же заглавием «Возвешение», открывалось сравнением, которое позднее оказалось близким Иванову: «Себя я назвал садом благовонным / Неограниченных возможностей, потом...»⁴. Кроме него, в книгу вошли также «На ветрах воспоминаний» и «Весеннее»⁵.

¹ Ныне город Зарасай Литовской Республики. В сборнике «Литературная коллегия» (А. Сычев, А. Мейснер, Н. Михайлова, С. Чукалов и др.) Тотс поместил два «Сонета о Литве» (Литературная коллегия. [Пг., 1916]. [Сб.] Первый. С. 10).

² НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 40. Л. 3–4. С этого письма писатель снял копию (с незначительными неточностями, посланные стихи перечислены), которая хранится в его архиве: ОР РНБ. Ф. 1312. Ед. хр. 60. Л. [1–2].

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 40. Л. 5–6 об.

⁴ *Тотс Г.* На зеленой земле. Пг., 1915. С. [7]. Ср. ивановское стихотворение «Сад» (1915).

⁵ Там же. С. 64 и 12.

Для Тотса, который, как писал публикатор его творчества, в стихах более всего ценил «стихийность» и «музыкальность»¹, отзыв Иванова имел важное значение. Но не будем, однако, его преувеличивать. Например, от свидетельства С. Дубновой, бывавшей, в отличие от Тотса, на «башне» в период ее расцвета и уже однажды запрашивавшей мнение Иванова о ее стихах², похожий отзыв он дал и о ее сборнике «Осенняя свирель» (1911): «Я послала книжку нескольким поэтам, которые в какой-то мере были моими учителями. Первым отозвался Вячеслав Иванов: он похвалил книгу и назвал ее “музыкальной”»³. Тем не менее слова Иванова глубоко запали в душу молодого поэта, о чем свидетельствует и последнее из его посланий к Иванову:

СПБ. 14.IX.13.

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Полтора года тому назад я был у Вас (может быть, Вы вспомните: я пришел с А. Белым) и читал Вам свои стихи. И Вы необычайно чутко проникли в сущность моей поэзии. Словами, которые так часто бродили и во мне, Вы говорили о рождении почти каждого образа из музыки. С тех пор прошло полтора года и, как мне кажется, стихи мои значительно созрели. И я чувствую, что для меня было бы очень полезно услышать Ваше мнение о теперешней моей поэзии.

¹ *Безродный М. В.* Неактуальная лирика Георгия Тотса // Искусство Ленинграда. 1990. № 4. С. 48.

² См.: *Дубнова-Эрлих С.* Хлеб и маца. Воспоминания. Стихи разных лет. СПб., 1994. С. 132–133. См. ее письмо от 8 ноября 1909 г.: «Уже несколько лет пишу я стихи, но до сих пор мне казалось невозможным печатать их. Теперь я почувствовала потребность отдать людям некоторые из написанных мною вещей. В этот момент мне дорого было бы Ваше мнение, Ваш совет. Я хотела бы придти <так!> к Вам. Но не знаю, в какие часы удобнее это сделать, и оттого решила спросить Вас об этом. Стихи мои — песни женской души, прикованной к земле» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 24. Л. 1; за сообщение текста мы благодарны А. Л. Соболеву).

³ *Дубнова-Эрлих С.* Хлеб и маца. С. 152. Книга Дубновой вышла между 26 января и 6 февраля 1911 г. (Книжная летопись Главного Управления по делам печати. 1911. № 5. С. 6). Она находилась в библиотеке Иванова, см.: *Обатнин Г. В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Euroa orientalis*. 2002. Т. XXI (2). С. 274.

Не будете ли Вы, многоуважаемый Вячеслав Иванович, столь любезны принять меня и дать мне возможность прочесть Вам несколько своих стихотворений? И если да, то в какой день и час я могу придти <так!> к Вам?

Не откажите исполнить мою просьбу.

Жду Вашего ответа.

Уважающий Вас

Георгий Тотс

Мой адрес: Пушкинская ул., дом № 10, кв. 3.

Георгию Адольфовичу Тотсу¹

Накануне отъезда Ивановых за границу на «башню» пришел еще один начинающий поэт. Об этом мы узнаем из его письма к Иванову, написанного на личном бланке:

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 40. Л. 7–8. Письмо было послано на Таврическую и переслано на московский адрес Иванова. Осенью 1913 г. Тотс переехал в Петербург, о чем мельком сообщал в письме К. Бальмонту от 6 ноября 1914 г., также написанном после перерыва в их переписке (см.: *Куранда Е.* Тотс, кто «весь в Бальмонте» // Русские поэты XX века: Материалы и исследования. Константин Бальмонт (1867–1942) / Отв. ред. Г. В. Петрова. М., 2018. С. 377; пользуюсь случаем поблагодарить автора за предоставление текста этой публикации). В упомянутом выше телеинтервью Тотс мельком посетовал, что после его переезда в Петербург «как-то все оборвалось». Меж тем письма к нему от С. Городецкого от 21 июля и 25 августа 1913 г. свидетельствуют, что он посылал ему стихи: «Забыл Ваше отчество, но не Вас и не Вашу музу» (РНБ. Ф. 1313. Ед. хр. 71. Л. 1). Судя по частично сохранившейся переписке Тотса и редактора «Литературной коллегии» А. Сычева (судя по всему, его сослуживца по Николаевской железной дороге), взгляды, деятельность и творчество последнего не были Тотсу близки; см. черновик его объяснительного и неотправленного, судя по карандашной пометке, письма от 3 августа 1915 г. (РНБ. Ф. 1312. Ед. хр. 66. Л. 1), а также два обширных письма Сычева 21 и 26 февраля 1916 г. с полемическими разъяснениями своих взглядов на искусство (РНБ. Ф. 1312. Ед. хр. 80. Л. 1–7 об.). Тем не менее единственный сборник Тотса вышел именно в издании «Литературной коллегии»; см. в критическом письме Сычева от 18 марта 1916 г. в ответ на его присылку: «эта книга есть подарок, связанный с памятью прошедшего и будущего наших с Вами отношений» (Там же. Л. 9). Кроме того, оба поэта приняли участие в сборнике «Причуды и вымыслы: Концентрация художественного материала вечера индивидуальной мысли литературной коллегии» (Юрьев, 1917).

М. А. Ковалев
Москва
Столовый пер. № 3, кв. 4¹

Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Не откажите сообщить мне, вышел ли сборник, посвященный юбилею Бальмонта и вошло ли туда стихотворение, посвященное мной поэту, которое я читал Вам в мае 1912 года вместе с другими своими стихами. Остаюсь в ожидании ответа искренне уважающий Вас

М. Ковалев (Рюрик Ивнев²)

10 октября 1912 г.³

Хроника проходившего 11 марта 1912 г. в отсутствие юбиляра чествования двадцатипятилетия литературной деятельности Бальмонта описана в одном из примечаний к сетевой публикации дружеского послания Ю. Верховского к Вяч. Иванову⁴. Уже с самого момента возникновения его замысла в кругу редакции «Аполлона» Иванов имел к организации события самое непосредственное отношение, настаивая на объединении самых разных литературных кругов. После докладов и приветственных речей началось чтение поздравлений от различных общественных организаций, кружков и редакций журналов, а также и от частных лиц. Внушительный список их приводится в вышедшем через два

¹ В ретроспективной записи от 1–2 сентября 1916 г. Ивнев вспоминал начало своей жизни в Москве, куда он переехал осенью 1912 г., сдав той же весной курсовые экзамены в Петербургском университете, для продолжения образования: «Помню этот дом в Столовом пер<еулке>. Деревянный, одноэтажный, черный, как гроб. Я долго без содроганья не мог проходить мимо него» (*Ивнев Р. Дневник. 1906–1980 / Сост. Н. П. Леонтьева; подгот. текста А. П. Дмитриева, Н. П. Леонтьева и А. В. Леонтьева; коммент. А. П. Дмитриева. М., 2012. С. 163.*)

² Позднее поэт объяснял, что его псевдоним приснился ему сразу вместе с обложкой его первого сборника «Самосожжение» (М., 1913).

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карг. 26. Ед. хр. 26. Л. 1. Без конверта.

⁴ *lucas_v_leyden*. К истории дружеских посланий Вяч. Иванова и Ю. Верховского: +1 (окончание) // <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/97994.html>; дата просмотра 28.04.2019. Выступление Иванова на чествовании подробно описано в мемуарах слушателя (*Дейч А. День нынешний и день минувший: Литературные впечатления и встречи. М., 1985. С. 306–309.*)

года выпуске «Записок Неофилологического Общества», где, среди прочих, был опубликован и текст ивановского доклада «О лиризме Бальмонта»¹. Судя по всему, именно его имеет в виду Ивнев, хотя нельзя исключать и того, что мог готовиться и отдельный сборник в жанре «венка поэту». Сам Иванов, возможно, не надеясь на скорый выход университетского сборника под редакцией неспешных профессоров, свою статью сначала поместил в вдвоенном 3–4 номере «Аполлона» за 1912 год. Среди опубликованных текстов Ивнева его послания Бальмонту не нашлось, однако не исключено, что это могло быть то же стихотворение, которое Ивнев прочел на вечере Бальмонта в следующем году в Москве, о чем поэт рассказал в начале своих воспоминаний о В. Маяковском. Здесь он описал само событие, состоявшееся в «Обществе свободной эстетики» 7 мая 1913 г.², куда среди прочих независимо друг от друга пришли мемуарист и В. Маяковский:

«Я замороженный поэзией Бальмонта³, пришел выразить поэту свое восхищение в стихах, напоминавших оду. Маяковский явился в сопровождении нескольких своих молодых единомышленников.

Из глубины зала время от времени слышались их иронические возгласы, особенно резкие, когда их выкрикивал сам Маяковский. Я с трепетом прочел свою оду и предал ее дрожащими руками Бальмонту. В этот момент Маяковский громко захохотал.

<...> Оба молодых поэта достигли своей цели. Маяковский получил большое удовольствие, что выразил

¹ Записки Неофилологического Общества. 1914. Вып. VII. С. 56–60.

² См.: *Катанян В. А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А. Е. Парнис. М., 1985. С. 66–67* (доступно по адресу: <http://www.feb-web.ru/feb/mayakovsky/kmh-abc/kmh.htm?cmd=0>; дата просмотра 30.05.2019).

³ Учитывая, что поэтический мир раннего Ивнева наполнен огнем и солнцем, а сам он свой талант описывает как пышущее пламя, то его «замороженность» Бальмонтом закономерна. Стоит также добавить, что позднее он близко дружил с сыном поэта Николаем («Никсом»), познакомившим его с Хлебниковым, а также был принят в семье, где в 1916 г. встречал и самого «старика Бальмонта», который даже планировал написать о его стихах статью (*Ивнев Р. Дневник. С. 185–186.*)

свой протест и отчитал юбиляра, я же получил в награду за свою оду милостивую улыбку Бальмонта»¹.

Свою первую встречу с Ивановым Ивнев описал в мемуарах о М. Кузминой, который присутствовал при ней, поскольку проживал в той же квартире. Как и Анреп, Ивнев отметил обаяние хозяина дома:

«В первый раз за три года до нашего знакомства я увидел его в знаменитой “Башне” Вячеслава Иванова, когда робким студентом пришел к нему, чтобы показать мэтру тетрадь моих юношеских стихов. <...> Вскоре вошел и сам мэтр. Вот он произвел на меня сразу большое впечатление <...>. Секрет обаяния был в том, что Вячеслав Иванов с первой секунды заговорил со мной так просто и ласково, как будто мы с ним старые знакомые. Он прочел внимательно мою тонкую тетрадь и сказал, мягко улыбаясь:

— Друг мой, прежде чем писать так, вам надо создать сто безукоризненных сонетов.

— Попробую, — покорно согласился я.

О следующей встрече с ним, когда года через полтора я пришел со ста сонетами, я расскажу в своих воспоминаниях о Вячеславе Иванове»².

В своей мемуарной книге «Жар прожитых лет» Ивнев оставил рассказ о финале этой истории. Судя по всему, он и в самом деле собирался написать отдельный мемуарный очерк об Иванове, даже дал название, но все же оставил работу. Как явствует из этого незаконченного варианта, на этот раз он пришел к Иванову «показать свой первый сонет, хотя и не был с ним знаком». На «башне» он встречает

¹ Ивнев Р. Часы и голоса. Стихи. Воспоминания. М., 1978. С. 134–135. Напомним, что о другом столкновении Маяковского с Бальмонтом, кутившим 21 октября 1913 г. в ресторане после своей лекции «Океания», рассказала присутствовавшая при этом Н. Серпинская (Флирт с жизнью. М., 2003. С. 98–99).

² Ивнев Р. Встречи с М.А. Кузминым // Ивнев Р. Избранное. М., 1988. С. 535. В воспоминаниях о Хлебникове он сознавался: «Я хорошо помню первые слова, сказанные мне при встрече Вячеславом Ивановым, Александром Блоком, Сергеем Есениным. Но почему-то слов Хлебникова не помню» (Ивнев Рюрик. Богема / Сост., предисл. и примеч. Н. Леонтьева. М., 2006. С. 376).

Кузмина, получает рекомендацию написать сначала сто сонетов и летом дома в Грузии пишет пусть не сто, но восемь стихотворений, которые вновь приносит Иванову:

«И вот я снова на “башне”. Протягиваю метру свои стихи. Из восьми он одобрил только один — «Четыре изваяния»:

Стальная дышит мощь — четыре изваянья <...>

В этом сонете он нашел ошибку — не хватает одного слога. Я несколько раз выверял размер и знал, что ошибки быть не могло. Но сказать это поэту, с которым считался весь литературный Петербург, не решался. По выражению моего лица Вячеслав Иванов почувствовал, что меня что-то беспокоит, и сделал движение рукой, которое я расценил как разрешение высказаться. Тогда я прошептал:

— Мне... мне кажется... я считал много раз...

Вячеслав Иванов улыбнулся и прочитал еще раз сонет. Схватившись за голову, он громко воскликнул:

— Боже мой! Как это могло со мной случиться!

Я был еще больше смущен. Он подошел ко мне, поцеловал в лоб, улыбнулся, и сказал:

— Вы сможете рассказывать своим друзьям, что Вячеслав Иванов ошибся.

Это был первый урок, данный мне настоящим поэтом»¹.

Отметим, что Иванов выделил сонет Ивнева не за безукоризненную форму, а, возможно, за его содержание: в стихотворении описывались четыре скульптуры Аничкова моста в Петербурге, нигде прямо не названные. Таким образом, очевидно, что его приход на «башню» в мае 1912 г. был не первым, а знакомство с Ивановым могло состояться весной 1910 или 1911 г., так как осенью 1909 г. он только приехал на учебу в Петербург².

В заключение добавим, что после революции, когда Ивнев стал «секретарем-корреспондентом» Луначарского, это знакомство продолжилось. В своих мемуарах Ивнев то и дело вспоминал слова Иванова.

¹ Ивнев Р. Жар прожитых лет: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2007. С. 95–96.

² В дневниковой ретроспективной записи от 21 мая 1923 г. Ивнев рассказал, как с такой же тетрадью стихов в 1910 или 1911 г. приходил к Ф. Сологубу (Ивнев Р. Дневник. С. 428).

Например, его очерк о Есенине начинается со следующего зачина:

«Самыми правдивыми мемуарами считают “Исповедь” Жан-Жака Руссо, но я никогда не забуду, что сказал однажды Вячеслав Иванов:

“Руссо думал, что дал предельно правдивую исповедь, но она получилась у него самой лживой, так как он искажил в ней до неузнаваемости свой собственный образ, искажил сознательно, полагая, что смакование своих недостатков есть наивысшая правдивость.

А самое большое достоинство мемуаров — это то, когда автор дает правдивый образ человека, а не одни правдивые факты”.

Вячеслав Иванов сказал мне это, когда я был еще молодым человеком, когда у меня не было знания жизни, и лишь теперь, на склоне лет, я понял, насколько он был прав¹.

Указания на то, что собеседник Иванова был молодым человеком, недостаточно, чтобы определить время произнесения этого суждения. Вполне возможно, что нечто подобное поэт мог сказать и во время их встречи в мае 1912 года. Однако стоит учесть, что текст, посвященный различению памяти и воспоминания, вступление в поэму «Деревья», Иванов начал писать в 1917 году, и, кроме того, тогда же вернулся к работе над поэмой о своем детстве, получившей название «Младенчество». Вполне возможно, что в эти годы он и сформулировал свои размышления Ивневу².

¹ *Ивнев Р.* Часы и голоса. Стихи. Воспоминания. М., 1978. С. 144.

² В дневниковой записи от 15 марта 1962 г. (увы, в 1911–1913 гг. писатель дневника не вел) Ивнев записал слова М. Альтмана о его разговоре с Ивановым, когда тот, прочтя строки Ивнева «Песня, что бритва. Весь рот / От этих песен в крови», сказал: «Если бы это сравнение пришло б мне в голову, то я бы испугался и не написал бы стихотворения, а Ивнев не испугался и написал. Затем добавил: “Гёте не написал ни одной трагедии, т. к. не мог бы их написать”» (*Ивнев Р.* Дневник. С. 631). Судя же по опубликованной записи Альтмана, Иванов сказал эти слова самому Ивневу, после прочтения тем своих стихов перед поэтом и его бакинским учеником (*Альтман М. С.* Разговоры с Вяч. Ивановым. СПб., 1995. С. 79). Цитируются заключительные строки стихотворения «Короткого, горького счастья всплеск...» из сборника Ивнева «Солнце во гробе» (М., 1921. С. [19]).

Тот факт, что поэт, прозаик и непримиримый зоил Борис Александрович Садовской благоволил к Вячеславу Иванову, еще недостаточно осмыслен в ивановедении. Меж тем в архиве поэта хранится один из знаков этого, его письмо от 8 февраля 1913 г., посланное Садовским в Рим на piazza del Popolo:

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

С неделю тому я послал Вам книгу моих стихов и очень бы желал знать, дошла ли она до Вас, и как Вы ее находите. Быть может, Вы упомянете о ней вскользь где-нибудь, — хотя бы в «Трудах и днях»? Для меня учительное внимание Ваше всегда было и будет самою лестною наградой.

Теперь позвольте обратиться к Вам с просьбою. Под моим руководством в П-ге начнет выходить журнал «Галатей». В нем согласились участвовать В. Я. Брюсов, А. А. Блок и А. М. Ремизов. Не откажите в разрешении включить в список сотрудников и Ваше имя и позвольте надеяться, что Вы дадите для «Галатеи» стихи или заметку.

Всегда Ваш

Борис Садовской

8 февр<аля> 1913

Нижний Новгород

Тихоновская, 27¹.

Единственная подходящая по дате книга стихов Садовского — это его стихотворный сборник «Пятьдесят лебедей», а упоминание журнала «Труды и дни» наводит на мысль, что писатель прочел ивановскую «Marginalia», где был дан отзыв на сборники М. Зенкевича и Е. Гуро. Из книг Садовского в библиотеке Иванова числится всего лишь сборник его историко-литературных статей 1910 г. «Русская Камена». Неосуществленный замысел журнала-альманаха Садовского «Галатей» начал увядать к марту 1913 г. года из-за разногласий с секретарем редакции поэтом М. Долиновым хотя идея еще теплилась до конца мая —

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 7. Л. 1–2. Здесь же лежит визитная карточка Садовского с поздравлением с Новым 1914 годом, еще одно свидетельство о пока недокументированных московских контактах двух писателей (Л. 3).

начала июня, по крайней мере, в сознании В. Ходасевича, с энтузиазмом присоединившегося к проекту, чтобы окончательно умереть, судя по его письмам к Садовскому, к концу октября¹. Пожалуй, самый интересный эпизод его посмертной истории, как Садовской в 1944 г. мастерицу стилизацию под якобы сданную туда блоковскую поэму, которую пытался дважды продать в разные журналы, был исследован С. Шумихиным². На самом деле, для «Галатеи» Блок дал свой стихотворный ответ Иванову: «Вот Вам для “Галатеи” стихи, на которые Вяч. Иванов ответил мне посвящением “Нежной Тайны”. Мне кажется, раз он напечатал свой ответ, я могу напечатать и свое послание»³. Кстати, это письмо Блока написано 29 января 1913 г., и оно могло подтолкнуть Садовского на написание приведенного выше письма к Иванову, тем более, что он уже просил Блока также отозваться на «Пятьдесят лебедей» (и так же этого не дождался)⁴.

¹ См. характеристику журнала как «органа поэтов, не принадлежащих к Цеху поэтов» в коммент. к письму от 3–5 марта 1913 г. также приглашенного туда В. Н. Княжнина к Б. А. Садовскому (Литературное наследство. Александр Блок: Новые исследования и материалы. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 414, здесь уже упоминается публикуемое нами письмо), подробнее об истории «Галатеи» см.: *lucas_v_leyden*. Летейская библиотека-24 // <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/60069.html?thread=3362725>; дата просмотра 15.5.2019, об участии в ней В. Юнгера доп. см.: *Соболев А. Л.* Летейская библиотека: Биографические очерки. М., 2013. С. 427, 432.

² *Шумихин С. В.* Мнимый Блок? // Литературное наследство. М., 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 736–751. Подделывал Садовской и Некрасова (*Эльзон М. Д.* О «Воспоминаниях» Н. И. Попова и их авторе // Русская литература. 1982. № 3. С. 205–206), а также выдавал свои опубликованные стихи за стихи Есенина и того же Блока.

³ Письмо от 29 января 1913 г. (Переписка Блока с Б. А. Садовским / Предисл., публ. и коммент. В. П. Коршуновой // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 312). Имеется в виду известный стихотворный диалог: на блоковский текст «Был скрипок вой в разгаре бала...» Иванов отозвался своим диптихом «Ты царским поездом назвал...» и «Пусть вновь — не друг, о мой любимый!», открыв им посвященный Блоку сборник «Нежная тайна», который вышел в конце 1912 г. Попутно отметим, что информация о намерении Блока дать свое стихотворение в журнал Садовского опущена в комментариях к этому тексту в собрании сочинений (*Блок А. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 796–799).

⁴ Переписка Блока с Б. А. Садовским. С 311–312.

Однако нам кажется, что, кроме этой внешней, могла быть и более существенная причина. Сборник «Пятьдесят лебедей» был второй поэтической книгой Садовского, но чрезвычайно симптоматичной. Его название переключается с вышедшей в том же 1913 году повести «Лебединые клики» (первое название «Княгиня Зенеида»), которая вместе с исторической повестью «Двуглавый орел» составила одноименный сборник его прозы. Лебединый крик Садовской намеревался сделать своего рода символом помещичьей любви, а знаком «России, которую мы потеряли» здесь служат выполненные с большим знанием дела описания стола, кушаний, одежды и реалий эпохи николаевского царствования. Это — интересный, таинственный и весьма солидный мир крупных помещиков, и лишь один из героев повести, недавний парижанин Сергей, пристает к своему брату с занудными разговорами про крепостное рабство и необходимость его наконец отменить.

Все это показывает нам смену умонастроений Садовского, который из «маленького мэтра» символистской Москвы 1900-х годов созрел в литературного и политического консерватора. Со своими прежними единомышленниками он резко разошелся в статьях из сборников «Озимь» (1915) и «Ледоход» (1916), причем именно в последнем появляется посвященная Иванову миниатюра «Рыцарь из ресторана»¹. Для ее понимания надо бегло напомнить круг идей Садовского. Сборник «Озимь» имеет подзаголовок «Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы». Ракурс рассмотрения всех этих писателей задан уже в предисловии, где начавшаяся Первая мировая война в распространенном в 1915 г. духе объявляется переломом и в русской литературе. «Грядущим поэтам русским выпадает великий жребий; воочию доказать, что не выродилась и не погибла родная Муза, что как ни таскали ее по кабакам и притонам доморощенные бодлэры, разврат городской не коснулся ее души»². Перечисленные имена

¹ На ее важность в контексте темы взаимоотношений между Ивановым и футуристами в свое время указал А. Е. Парнис в своей работе «Заметки к диалогу Вяч. Иванова с футуристами» (Вяч. Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 418).

² *Садовской Б.* Озимь: Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы. Пг., 1915. С. 7.

представляют собой поэтов прошлых, но особенно достается и футуризму, о котором в предисловии сообщается, что после 20 июля 1914 г. от него не осталось и следа. В написанной еще до войны (в 1913) статье «Футуризм и Русь» Садовской негодовал: «Для Пушкина и его друзей живы были Казанский Собор, Адмиралтейская Игла и Медный Всадник; для вас, господа, существует в Петербурге одна “Вена”»¹. Северянин напоминает ему камердинера из «Села Степанчиково» Достоевского «и сборникам его стихов следовало бы называться “Воплями Видоплясова”»². Правда, в последней сноске критик выделял деятельность «Центрифуги» и «Очарованного странника», ведь он сам активно сотрудничал с С. Бобровым³.

Второй сборник Садовского, «Ледоход» завершался статьей «Pro domo sua», где целиком приводилась и по косточкам разбиралась рецензия С. Ауслендера на «Озимь». Ауслендер упрекал друга в том, что тот предал их общее дело, вспоминал, как Садовской некогда восхищался Брюсовым, о котором теперь добрых слов не находит (статья о Брюсове в «Озими», посвященная 25-летию его деятельности, называлась мрачно: «Юбилей безвременья (1889–1914)», и здесь объявлялось, что футуристы произошли от него). Интересно, что в ответе Ауслендеру Садовской упоминал, что тот тоже знает в Петербурге только ресторан «Вена». Это известное петербургское место сбора литераторов ассоциировалось у Садовского с массовой культурой, протест против которой у него нарастал уже по крайней мере с 1912 года, когда в сдвоенном 4–5 номере «Трудов и дней», том самом, где была помещена «Marginalia» Иванова, писатель опубликовал диалог между Литератором и Поэтом. Символом смерти поэзии здесь названо известное детище В. Рeginина: «“Синий Журнал” по всем фронтам празднует победу. Энциклопедия в брелке для часов! Мона Лиза на конфетной коробке — вот его идеалы! В поэзии лакированные безделушки цеховых ремесленников⁴, на сцене — кинематограф-миниатюра, в живописи — доморощенный ку-

¹ Садовской Б. Озимь: Статьи о русской поэзии. С. 27.

² Там же. С. 28.

³ См. подробнее: Флейшман Л. Статьи о Пастернаке. Времен, 1977. С. 91–92.

⁴ Очевидно, намек на «Цех поэтов».

бизм. И, скоро ли новый Савонарола сложит изо всего этого новые костры?»¹. Поэт настаивал на выходе в жизнь, где идет борьба между Городом и Деревней, и первый побеждает. Другой выход Садовской находил в поэзии Иванова: его «Рыцарь в ресторане» рисует сцену в заполненном литераторами ресторане. Кто здесь управляет, очевидно с самого начала, с ироничных реплик продающих свой товар писателей, где смешаны расхожие цитаты из Северянина и названия футуристических альманахов:

«— Пирог горячие! пироги! Пощечина общественному вкусу! Пятачок за пару!
— Мороженое из сирени!
— Битки по-маяковски!
— Вафли по-французски — Бодлэр и Верхарн! По рецепту Ренэ Гиля!
— Китайские засахаренные крысы!²
— Ананасы в шампанском! и т. д.»³.

Далее появляется девушка известного поведения Пополия (видимо, от ит. popolo, народ) Маринеттовна Лебядкина, кто-то вскрикивает «Дырбулшур!» и т. п. На это торжище вдруг заходит настоящий Рыцарь в латах, которого вся эта братия не замечает, и только один, по фамилии Полосатый, проглотивший в углу «картофель à la бурлюк» пробует поднять меч рыцаря и едва может оторвать его от пола, подобно тому, как в русских былинах никому не поднять оружие Святогора. В конце концов рыцарь исчезает, из поднебесья слышится последняя строфа стихотворения Иванова «Орлу» из сборника «Эрос», а последняя фраза гласит: «Рыцарь в ресторане — Вячеслав Иванов в современной поэзии» (первая публикация статьи, в «Лукоморье» в 1915 г. имела подзаголовок «О современной поэзии»). На идейной карте сборника Иванов оказывается среди других надежд Садовского: Клюева-Клычкова с Городецким

¹ Садовской Б. О «Синем журнале» и «бегунах» // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 133.

² Имеется в виду сборник под ред. И. Игнатьева «Засахаре Кры: Эго-футуристы V» (1913).

³ Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. 145.

(статья «О народных поэтах», 1915), которые противопоставлены как эстетам из «Аполлона», так и футуристам, а также Ремизова, которому посвящена статья «Настоящий» (1912), где он назван поэтом будущего.

Таким образом, Иванов уже в 1913 г. мыслился Садовским как идейный союзник в литературе, и это, возможно, служило истинным поводом привлечь его к сотрудничеству в «Галатее»¹. Знакомство писателей состоялось уже весной 1904 года, когда Иванов вместе с женой приехал знакомиться с московскими символистами². В 1907 и 1909 годах Садовской посвятил Иванову по стихотворению, в каждом из которых варьировался его образ, финальной точкой развития которого стал Рыцарь из ресторана. В первом из них, стихотворном послании «Поэт», Садовской, рисуя здесь Иванова как жреца и Царя, использовал символ, который станет названием поэтической книги Иванова и даже будет изображен на ее обложке:

Над дымом облачным высоко
Твой храм белеет на горе
Пылает сердце одиноко
На сокровенном алтаре.

Жрец находится над сутолокой времени:

Пусть за дверями время плещет:

¹ Из его письма к Э. Метнеру от 6 мая 1912 г. следует, что Садовской виделся с Ивановым и обсуждал с ним корректуры второго номера «Трудов и дней» (сообщено А. Л. Соболевым).

² О нем Садовской вспоминал в своих «Записках»: «13 марта в Историческом музее на лекции Бальмонта “Уолт Уитман” встретил я Брюсова. “Что вы никогда не зайдете в “Весы”?” — “Зайду непременно подписаться”. — “Да не подписаться, а я вам дам работу. Приходите во вторник”. В ближайший вторник я явился в редакцию “Весов”. Здесь кроме Брюсова были: надменный, с красным носиком, тщедушный Бальмонт, Вячеслав Иванов, небрежно одетый, в усах, с пряжкой от галстука на затылке, похожий на провинциального педагога и жена его Зиновьева-Аннибал, полная подрисованная дама» (*Садовской Б. Записки (1881–1916) / Публ. [вступ. ст. и примеч.] С. В. Шумихина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Вып. I. С. 153).*

Бессилен мутных волн прибой,
Неугасаемо трепещет
Над чистой жертвой пламень твой¹.

Стихотворение 1909 года называется «Заклинатель стихий», также имело посвящение Вячеславу Иванову и было написано «высоким штилем». Здесь в форме аллегории поэт размышлял над властью человека над временем и страсти над человеком. Важно отметить, что оно вошло в сборник «Пятьдесят лебедей», посланный поэтом Иванову:

<...>
Всё победил ты, человек,
И Смерти страшную конечность,
И Времени свистящий бег,
И грозный призрак Бога — Вечность.

В одном твоя бессильна власть,
В одном ты раб перед судьбою,
Когда зовешь своей рабою
Испепеляющую Страх².

Пореволюционная история отношений Садовского и Иванова пока остается предметом для дальнейшего исследования, однако уже сейчас можно предположить, что поэт, написавший в 1917 г. стихотворение «Конец», своего рода реплику на «Панмонголизм» Соловьева:

<...>
Россия, где ж твоя награда,
Где рай обетованных мест:
Олегов щит у стен Царьграда,
Славянский на Софии крест?
Когда-то венчанное славой
Померкло гордое чело

¹ *Садовской Б. Полдень. Сборник стихов. 1905–1914. Пг., 1915. С. 259.*

² Датировку см. в: *Садовской Б. Морозные узоры. Стихотворения и письма / Сост., послесл., коммент. Т.В. Анчуговой. М., 2010. С. 28.*

И опустил орел двуглавый
Свое разбитое крыло¹,

— явно не мог одобрить советской карьеры своего Рыцаря. В процитированных выше мемуарных «Записках» Садовской, кроме упоминания о знакомстве, вспомнил об Иванове лишь один-единственный эпизод из 1911 г.:

«В конце января приехал из Петербурга Вячеслав Иванов и остановился в “Мусагете”. Вся редакция давала гостю ужин в «Праге». В общем зале сдвинули несколько столов. В. Иванов, уже прославленный и признанный мистагог, с облезлыми рыжими кудрями и жидкой бородкой, походил на стертый образ Спасителя. Он скромно спросил себе “расстегайчика”»².

3

Из двух сохранившихся писем В. Н. Маккавейского (1891–1920) к В. Иванову первое, от 15 апреля 1914 г., было опубликовано В. Э. Молодяковым по автографу из РГБ, как и завершающий его «триптих сонетов» под названием «Пудренная роза», который он назвал «вступлением к будущему сборнику»³. Однако интерес киевского поэта, рекомендовавшего себя в письме как «Votre petit élève et Votre grand admirateur»⁴ (И. Эренбург в мемуарах назвал его «местным Вячеславом Ивановым»), к «автору Розариума» на этом не угас. Об этом свидетельствует второе письмо Маккавейского при посылке его единственной книги

¹ Садовской Б. Обитель смерти. [Нижний Новгород] М., 1917. С. 46.

² Садовской Б. Записки. С. 164.

³ Маккавейский Владимир. «У злата житниц и божиц...» / Пре-дисл. и публ. В. Молодякова // Новый журнал. 1999. Кн. 215. С. 283–287. О Маккавейском см. также в других работах этого автора: Глебов Ю.И. Маккавейский Владимир Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 478–477; Молодяков В. Э. Су-еречивый элеат // Молодяков В. Загадки Серебряного века. М., [2009]. С. 333–341. Из этого письма явствует, что киевский поэт послал Ивано-ву свой перевод поэмы Р.-М. Рильке «Жизнь Марии», поэтому соответ-ствующий фрагмент процитирован в работе: Азадовский К. М. Вячеслав Иванов и Рильке: Два ракурса // Русская литература. 2006. № 3. С. 116.

⁴ «Ваш скромный ученик и Ваш великий почитатель» (фр.).

стихов¹. Переданное с пока неустановленным общим знако-мым, оно находилось в большом конверте, на котором было выведено красными и черными чернилами²:

Его Высокородию
Вячеславу
Ивановичу
Иванову
От Влад. Ник. Маккавейского
– при книге «Стилос Александрии»³
– французские переводы и т. д.

В самом письме обращение, дата и инициалы также были написаны красными чернилами:

Вячеславу Ивановичу Иванову
1918.
IX
12
ВМ

Автора прилагаемой книги и неизданных переводов «Фаэтона» и «Печали полдня» Вячеслав Иванов встречал в «Эстетике»⁴ и в Киеве (весною 1916 г.) на закрытом чте-

¹ Его нам уже приходилось цитировать по косвенному поводу, см.: Обатнин Г. В. Смерть Вячеслава Иванова в оценке эмигрантской прессы // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 694.

² Так же было оформлено и первое письмо Маккавейского. Цветовым выделением поэт пользовался и в своих книгах: «Вступление» к «Стилосу Александрии» набрано синим шрифтом, в то время как весь остальной текст — привычным черным. Появление в его стихах таких выражений, как бросовские «леса криптомерий» (С. 45), бросает свет на идейный источник подобных экспериментов — декадентство 1890-х гг.

³ Об этой редкой книжке см.: Марков А. Ф. Магия старой книги: За-писки библиофила. М., 2004. С. 524–531. Сборник числится в списках домашней библиотеки Иванова, но не среди книг с надписями авторов, см.: Обатнин Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова. С. 275.

⁴ Очевидно, Общество свободной эстетики (1906–1917), собирав-шееся в помещении Литературно-художественного кружка, прибежище московских символистов.

нии поэмы «Человек» после Скрябинского концерта¹. Я обещал Вам прислать переводы и тогда же просил о внимании к оригинальному <творчеству>. Сдержав слово, я смею повторить просьбу и — пользуясь презумпцией прав «активного» Вашего почитателя², чаять рецензии — (с оказией). Я розумею <так!>, конечно, *письмо*, весом и удельным весом которого Вы разрешите мне измерить в абсолютном виде литературную дееспособность субъективизма — дотоле лишь правоспособного³ — и то — по исключению. Ясно, что за печатным отзывом утверждать столь же абсолютный смысл я, в данном случае, и не в силах, и не в праве.

Полагаю, найдутся (особенно в Вашем ментальном репертуаре) точки зрения, с которых нижеследующая «необязательная» страница письма будет сочтена простительной (было бы приятно знать, что они ближе к Марбургу⁴, чем к снисходительности всепрощающего психологизма...).

¹ О лекции-концерте в память Скрябина, устраиваемом 17 апреля 1916 г. местным музыкальным обществом в зале купеческого собрания, газета «Киевская мысль» сообщила уже за два дня, упомянув, что Иванов прочтет лекцию «Взгляд Скрябина на искусство», а проф. А. Б. Гольденвейзер не только исполнит десятую сонату композитора, но и прочтет свой очерк «Скрябин и музыка» (1916. 15 апр. № 105. С. 5). В день выступления газета поместила программу, а фактически — тезисы обоих выступлений (Киевская мысль. 1916. 17 апр. № 107. С. 3). Большая часть отчета о прошедшем мероприятии была посвящена изложению лекции Иванова (М. Л. Лекция-концерт в память А. Н. Скрябина // Киевская мысль. 1916. 19 апр. № 109. С. 4). В хроникальной заметке другого издания говорилось, что лекция «привлекла много публики и была отмечена выдающимся художественным успехом» (Последние новости. 1916. 18 апр. № 3736. С. 4 (веч. вып.)).

² Несмотря на это, в своем докладе на вечерه искусств 14 апреля 1919 г. Маккавейский, судя по опубликованному им дайджесту, «общий ток» лирики связывал с именами Маяковского, Каменского и Н. Венгрова, упоминая в качестве представителей отдельных течений Хлебникова, Асеева, Петникова, Клюева и Есенина и найдя всего одну фигуру Б. Лившица вне революции (Маккавейский В. Революция форм бытия и эволюция форм в искусстве // Революционное искусство. Киев, 1919. С. 7).

³ Различие между дееспособностью (приобретать и осуществлять гражданские права) и правоспособностью (иметь гражданские права и нести обязанности) обнаруживает в филологе Маккавейском знакомство с основами гражданского права.

⁴ Одно из направлений в неокантианстве, так называемая «марбургская школа» (основатель Г. Коген, ученики П. Наторп, Э. Кассирер и др.), стремившаяся в том числе очистить метод Канта от психологизма.

Я хотел бы предложить Вашему учету особые заботы об архитектуре книги (как проблемы в себе); чаемая как Rück- und Ausblick¹, — она — академическое надгробие, — Вам не надо говорить, какой *части* символизма (вопреки «Бороздам и межам» я формулирую Маллармэ, как «альтернативизм»), и приемлю декадентство как понятие с положительным содержанием²). Помощью галлицизма «поэмы» (т.е. строфные композиции) подчеркнута формальная, а значит и «сутевая» гетерономность двух частей³; восьмистишия чаяли превозмочь компактность сонета (напряженной перегруженности «синтеза во лжи»⁴) давая, до и после пафоса, может быть, несколько риторический этос Überwindung⁵. Расположение вещей, в частности, 2-го отдела ищет ответить видоизменяющемуся (ослабевающему логически) вниманию потребителя, — помощью перерождения ментальной остроты (I) в осознанно вторичный академизм (II), вырождающийся, в свою очередь, в раздрожительность <так!> неплодия (III). (Позволено ли заметить, что автор Александрийского «мелоса» должен был напрячь все свое дарование, чтобы не

¹ «Ретро- и перспектива» (нем.).

² В помещенной во втором сборнике статей Иванова «Борозды и межи» работе «Мысли о символизме» (1912) С. Малларме упоминается как представитель «символизма поэтических ребусов», с которым «мы не имеем ни исторического, ни идеологического основания соединять свое дело» (Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 611).

³ Книга Маккавейского состояла из двух основных частей под названием «Сонеты» и «Поэмы» (а также включавших по одному стихотворению «Вступления» и «Заключения»), которые в свою очередь делились на циклы. Последние образуют не произведения большой формы, что ассоциируется с термином «поэма» в русском словоупотреблении, а лирические стихотворения (ср. с *фр.* poèmes).

⁴ В книге помещено пять стихотворений, созданных в становящемся на рубеже веков жанре восьмистиший (двух четверостиший): собственно, «Стилоз Александрии» («Вступление»), идущие подряд «Аврора», «Рим», «Радуга», «Жалоба Каллимаха», а также «Горациева корабля...», составившего «Заключение» к сборнику (С. 9, 39–42, 69). Под компактностью Маккавейский, видимо, имеет в виду требование следовать правилам особой рифмовки, объема, графического оформления и метра при написании сонета. Замечание о синтезе обнаруживает его знакомство с одним из требований к его содержательной стороне: разрешению в терцетах тем, намеченных в катренах.

⁵ «преодоления» (нем.).

казаться слишком даровитым — чтобы не быть собою раньше, чем своим делом<>».

Быть кандидатом в не-поэты *еще не значит* быть близким Вам (*entendons nous*¹ — конечно); я сказал бы, (ибо постигал Вас и иногда себя чрез Вас только диалектически) *уже значит* быть от Вас далеким, ибо Академия и Лукиан, Паскаль и Лафорг, если позволите. Маллармэ и Плиний Младший² и т. д. — будь даже «Стилос» дело рук их всех вместе (а не Каллимаха в роли Алкивиада?!³) не могут создать эквивалентного делу Диониса. Нарочито дряблая, ибо засушенная логикой бессилия, обращенная к Вам инвектива (на стр. 37) говорит об этом в терминах ремесла⁴.

¹ «мы оба понимаем» (*фр.*).

² Академия — основанная в XVII в. Французская Академия «бесмертных», призванная охранять и развивать французский язык, членами которой был ряд писателей. Лукиан Самосатский (ок. 120 — после 180 н. э.), др.-греч. писатель-сатирик; имя появляется в сборнике Маккавейского, см.: «Зима, Авзоний, океан / поляризованных вселенных, — / и вновь у риторы в Верленах / прилежно служит Лукиан» (С. 55). Блез Паскаль (1623–1662), знаменитый философ, писатель и математик. Жюль Лафорг (1860–1884) и Стефан Малларме (1842–1898), французские поэты-символисты. «Стилос Александрии» был снабжен эпитафией из Малларме, ему же был посвящен сонет-акrostих и опубликован перевод его знаменитого сонета «Ее ногтей ожив, что ожил из пароса...» (С. 21–22). «Псевдотрагедия» Маккавейского «О Пьеро убийце» (1919) была снабжена эпитафиями из Малларме и Лафорга. Плиний Младший (61–113), римский политический деятель, искусный оратор, драматург и поэт, прославившийся своими письмами.

³ Каллимах из Кирены (ок. 310–240 до н. э.), плодовитый придворный поэт-эрудит, библиограф и ученый из Александрии; Алкивиад (450–404 гг. до н. э.), греческий полководец и политический деятель, описанный Фукидидом, Ксенофонтом и Плутархом, но более всего известный как собеседник Сократа в двух одноименных диалогах, первый из которых частично посвящен развенчанию нескромных планов заносчивого юноши.

⁴ На указанной странице помещено стихотворение Маккавейского «Дионис и Диана» (дата под текстом 1917. I), посвященное Вячеславу Иванову. Оно представляет собой речь Дианы, упрекающей Диониса в равнодушии к ней и сомневающейся в оправданности дионисийского безумия. Финал стихотворения, насыщенного аллюзиями на персонажей дионисийской и прочей греческой мифологии, использует фигуру ослепленного Ореста для декларации психологической трезвости: «И — сыну Лая вопреки — / дерзая оставаться зрячи, / мы горделивые не прячем / и от себя своей тоски». О «Вячеславовой квадриге» из стих. «Ямбы»

Простите за длинное письмо. Боюсь, Вам покажется, что я умничал. Бога ради! Лучше быть обвиненным в Киевлянстве. Кстати, во имя Realiora! Вы то мне простите (но, пожалуй, Вы — один) издание в Киеве на деньги греческой газеты вместо проблематического Кожебаткина² на деньги газеты Московской. Я слышал от моего друга (подателя сего), что Вы намерены жить зимой в квази-столице³, по-

(С. 56) в связи с темой отношений Мандельштама и Маккавейского, см. в работе: *Левинтон Г. А.* «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама. (Материалы к анализу) // *Russian Literature*. 1977. Vol. V. No. 3. P. 225, здесь же отмечена и цитата из ивановского перевода Петрарки. Добавим к этому еще один ивановский след в творчестве киевского поэта: в поэме «Пандемониум Иеронима Нуля» (1918) аллюзия на первые строки из поэмы «Младенчество» («Вот жизни длинная минея, / Воспоминаний палимпсест») контаминирована с отсылкой к зачину стихотворения Блока «Я пригвожден к трактирной стойке. / Я пьян давно. Мне всё — равно»: «Я удален трактирной стойки, / Я трезв давно. Мне все равно. / Вчерашним только и пьянея, / Воспоминания Минея, / Погружена в Платонов сон» (*Маккавейский В.* Избранные сочинения. Киев, 2000. С. 189; первую публикацию и экспликацию содержания поэмы см.: *Гаснаров М. Л.* Записи и выписки. М., 2000. С. 145–149).

¹ «Более реальное» (*лат.*). Понятие из статьи Иванова «Две стихии в современном реализме» из сборника «По звездам» (1909), разъяснению которого писатель посвятил полемическую статью «Б. Н. Бугаев и “Realiora”» (1908). По мысли Иванова, восхождение художника а *realibus ad realiora*, от реального к более реальному, составляет пафос реалистического символизма (См.: *Иванов В. И.* Собр. соч. СПб., 2018. Кн. 1. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. С. 183). Здесь используется в значении «высшей реальности».

² На обложке сборника Маккавейского место и издательство были обозначены следующим образом: Athènes-Kiew: Edition K. D. Pappadopolu. Греческое имя издателя, вероятно, отчасти обусловило появление фиктивных Афин как места издания, однако о других его заслугах в издательском деле нам добыть сведений пока не удалось. Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884–1942), в 1909–1911 гг. секретарь издательства «Мусагет» и владелец издательства «Альциона», где был опубликован ряд книг начинающих авторов, и среди них киевлянина В. Эльснера, которому в «Стилосо Александрии» был посвящен сонет-акrostих, Ю. Анисимова, Г. Иванова, Г. Рыбинцева, Н. Львовой, Т. Чурилина, В. Гарднера, Ю. Сидорова, Л. Столицы и др., равно как оригинальных и переводных изданий видных представителей русского и европейского литературного модернизма.

³ То есть в Москве, куда в марте 1918 г. была перенесена столица РСФСР. Здесь, возможно, находится еще один пункт потенциального

лагаю, чужестранцем в квадрате. Эмбрион толстого журнала «Голос Жизни»¹ даст Вам понятие о возрождении Киева, о культуртрегерстве поневоле, и месте упокоения Вашей рецензии обо мне. Последнее должно рассматривать как горькую шутку.

Ваш Владимир Маккавейский

Киев, Липки,
Виноградная 5, с<обственный> д<ом>

P.S.: *часть прикладная*: если Вы поедете в Киев, захватите с собой проблематическое письмо ко мне (ввиду не меньшего проблематизма оказии). Условия дня заставят Вас мобилизовать друзей для розысков квартиры. К Вашим услугам, разумеется, все силы мои и дом отца моего² (товарища по профессуре известного Вам П. П. Кудрявцева³). Если

несогласия адресата с Маккавейским. Мнение Иванова о переносе столицы, разумеется, с поправкой на специфику текста, мы знаем из диалога между ним и П. Сакулиным по поводу переезда советского правительства, с которого начинается «роман-воспоминание» Рюрика Ивнева «Богема». Иванов здесь эмоционально заявляет: «— Москва — это Россия! Россия — это Москва! Петр не должен был переносить столицу в Петербург. Совершив это, он сделал грубую ошибку» (*Ивнев Рюрик. Богема / Сост., предисл. и примеч. Н. Леонтьева. М., 2006. С. 16*).

¹ Еженедельник, выходявший в Киеве под редакцией Б. Гуревича в 1918 г., где В. Маккавейский выступал и как поэт, в том числе стихотворений, вошедших в «Стилоз Александрии» (напр., «Полька Второй Империи»; *Голос жизни. 1918. 12 мая. № 2. С. 16*), и как рецензент поэтических новинок (см.: *Голос жизни. 1918. 21 мая. № 3. С. 17*).

² Обыгрывается выражение Христа «В доме Отца моего обителей много» (Ин. 14 : 2). Отец поэта Николай Корнилович Маккавейский (1864–1919) служил профессором пастырского богословия и педагогики Киевской духовной академии и был автором ряда книг по истории и современному состоянию педагогики, в том числе о воззрениях Л. Толстого.

³ Петр Павлович Кудрявцев (1868–1940), профессор той же академии, был одним из организаторов Киевского религиозно-философского общества (1908), с 1910 г. ставший его председателем и через два года после этого вынужденный формально покинуть пост, но продолжавший принимать участие в его работе. Круг интересов Кудрявцева в ряде аспектов был близок ивановскому: в 1911 г. он делал доклад о поэзии Хомякова и Аксакова, а годом раньше — о В. Соловьеве (см. подробнее: *Филитенко Н. Г. Киевское Религиозно-философское общество (1908–1919): контуры истории // Вестник Русской христианской гуманитарной*

не поедете, адресуетесь <так!> со всем, имеющим до меня касательство, к Ник. Мих. Фореггеру¹. Еще раз прошу извинить меня.

ВМ <росчерк-подпись>

К переводу *Печали полдня*²

Название — лицензия³ (ввиду звуковой незначительности Ennu du Midi⁴ и малограмотности Chagrin и Tristesse⁵); впрочем, и мое — «временно». Ваша, В. И., неклассическая чередовка <так!> в восьмистишии (m.f.m.f. — f.m.m.f) сохранена; в коде (и шестистишии) есть дозволенные отклонения⁶.

академии. 2007. Т. 8. Вып. 1. С. 145–147, 153). Члены КРФО принимали участие в интеллектуальной жизни обеих столиц, с 1915 г. Общество издавало журнал «Христианская мысль», не раз предоставлявший свои страницы авторам из близкого Иванову круга. Ряд стихотворений Иванова был включен в изданную КРФО антологию «Волны вечности в русской художественной литературе» (1914).

¹ Николай Михайлович Фореггер (Грейфентурн, 1892–1939), киевский художник и театральный экспериментатор, в советское время работал режиссером и балетмейстером.

² Фраза написана красными чернилами.

³ От выражения *licencia poetica* («поэтическая вольность», *лат.*). В переводе Маккавейского стихотворение называлось «*Diva meridiei tristitia*», «Полуденная грусть дивы» (*лат.*). Добавим, что и название второго из переведенных им стихотворений Иванова, «Фаэтон», было также не авторским, а его текст представляет собой извлечение трех реплик героинь стихотворения Иванова «Гелиады» (сб. «Прозрачность»). Именно в таком виде и с таким заглавием оно было напечатано в киевском «Чтеце-декламаторе» (1909. Т. 3. С. 474–475), где была помещена и «Печаль полдня». Отметим, что за новое заглавие второго стихотворения Маккавейский перед автором не извинился, видимо, полагая его ивановским.

⁴ «Тоска полдня» (*фр.*).

⁵ «Печаль» и «грусть» (*фр.*).

⁶ Стихотворение «Печаль полдня» (из сб. «Прозрачность») написано в графической форме английского сонета (три катрена и двестишия), но с рифмовкой итальянского. Маккавейский в своем переводе вернул стихотворению итало-французскую графику. В «Чтеце-декламаторе» стихотворение Иванова было напечатано как сочетание восьмистишия (катрены) и шестистишия (терцеты). Очевидно, что их и имеет в виду Маккавейский. В катренах сонета Иванова чередуются мужские (*masculine*) и женские (*féminine*) рифмы по описанной схеме (Печаль: сонным: жаль: тумана / осиянна: даль: Печаль: Осанна); этому соответствуют рифмы перевода (Ennu: songes: appuis: allonge / onge: d'hui:

Считая банальность величиной переменной не только по времени, но и по месту (языку) я рассматриваю, напр., по-французски уже как недопустимое *piano des cafefours* (Лафорг¹), *flûte des scrauds* (Тайяда²) и то, что по-русски звучало бы еще сносно. Посему: устранны «осанна», «п-кой моря»³ (отвратительное «*calme des flots*»⁴) и — особо важное «пронзен» — тоской⁵; ибо *percé* (и конъюнктура⁶

L'Ennuï: replonge). Как и положено, ивановские катрены написаны на две рифмы, однако рифмовку полагается соблюдать единообразную, желателно охватную. Кодой обычно называют дополнительную строку сонета, она отсутствует как в оригинальном тексте Иванова, так и в переводе. Видимо, так переводчик назвал заключительное двугишное оригинального текста.

¹ «фортепьяно распутий» (*фр.*). Звуки фортепьяно играют определенную роль в поэтическом мире Лафорга, см. начало стих. «*Dimanches*» («Воскресенья»): «Oh! ce piano, ce cher piano / Qui jamais, jamais ne s'aggrê...» («О, этот рояль, о, рояль дорогой! О! Никогда он не перестанет...», см.: *Лафорг Ж.* Феерический собор. Вступ. ст., пер., примеч. и библи. В. Брюсова, Н. Львовой, В. Шершеневича. М., 1914. С. 91), а также стихотворение «*Complaintes des pianos qu'on entend les quartiers aisés*» («Жалобы фортепьяно, что слышны в богатых кварталах») и др. (*Laforgue J.* Œuvres complètes. Paris, 1922. Т. II. P. 30; Т. I. P. 80). Несмотря на это, источник цитаты не обнаружен.

² «флейта жаб» (*фр.*). Лоран Тайяд (Тальяд, Tailhade, 1857–1919), французский поэт и «журналист мелкобуржуазно-анархистской установки», как писал о нем Б. Лившиц (см.: От романтиков до сюрреалистов. Л., 1934. С. 169), живший богемной жизнью, переводчик Плавта и Петрония. О «пленительной наглости» поэтического языка Тайяда писал Р. де Гурмон (Книга масок. СПб., 1913. С. 41), но такой цитаты в его творчестве не нашлось (правда, нам не были доступны его книги в полном объеме). Однако есть близкие по смыслу: «*La note des scrauds vibre seule*» («Нота жаб дрожит одна», из стих. «*Nocturne*»), а также: «*l'harmonica solitaire des scrauds exaltant Vénus*» («одинокая гармоника жаб, прославляющая Венеру» из стих. в прозе «*Paysages. II*» (*Tailhade L.* Poèmes élégiaques. Paris, 1907. P. 77, 220)). Не исключено, что Маккавейский также держал в памяти нашумевшую метафору «Свирелит жаба» из стих. Иванова «Ожидание» (сб. «*Cog ardens*»; *Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 321).

³ Подразумеваются строки из ивановского стихотворения: «Я — Исполнения глубокая Осанна» и «На моря синего струящийся покой».

⁴ «спокойствие волн» (*фр.*).

⁵ Заключительная строка стихотворения Иванова: «солнечные славы / Слагаешь ты, поэт, пронзен моей тоской».

⁶ Очевидно, имеется с виду конъюнктура.

либо навязчивая ассоциация — *par une flèche*¹<)> — специфически от эротики XVIII века. Поэтому конец, наиболее отклоненный от подлинника, основан на другой категории образности — конечно, не Верхарновской и значит относительно новой².

Если александрийским стихом Печали Полдня я могу быть почти удовлетворен, то 4-х стопный ямб Фазтона просодийно нищ (и вообще перевод не закончен).

О проектируемой антологии русских (Вы, Блок, Белый, Кузмин) было бы хорошо побеседовать с Вами особо.

ВМ³

Далее следуют переводы на французский двух стихотворений Иванова, машинопись с заглавием красными чернилами и ими же выведенной подписью под каждым текстом, которые мы не приводим, так как с небольшими разночтениями они были опубликованы в том же году в киевском сборнике «Гермес», где Маккавейский был одним из

¹ «*percé par une flèche*», пронзенный стрелой (*фр.*). Судя по всему, имеется в виду расхожая метафора «пронзен стрелой любви (Купидона)».

² Приведем последние два терцета перевода Маккавейского, их подстрочник и оригинальный текст Иванова:

Des gros chaudrons en or le flot de mes métaux	Поток моих металлов из больших золотых котлов	Из золотых котлов торжественной рекой
S'écoule en abandon des voutes — qu'il dédore	Истекает в оставлении хранилищ — с которых он	Я знойных чар лию серебряные сплавы
Vers l'Océan qui dort sous bleu de son manteau,	К океану, который спит под снимает позолоту, своим синим покрывалом,	На моря синего струящийся покой, На снежной вечности сверкающие главы,
Vers d'immuables roches aux après chapiteaux,	К вечным камням за капителями,	На красные скалы, где солнечные славы
Et proche de ton fourneau, poète, que j'honore —	И рядом с твоей печью, поэт, которого я чту —	Слагаешь ты, поэт, пронзен моей тоской.
Gloire — Forgeron d'un coup de mon marteau.	Слава — Кузнец ударом моего молотка.	

Под «верхарновским» образом подразумевается герой неоднократно переведенного на русский язык стихотворения Э. Верхарна «Кузнец», своего рода стихийный революционер.

³ ИРЛИ. Ф. 607. № 257. Л. 1–3.

редакторов¹. Отметим, что там же были помещены его переводы на французский стихотворений А. Блока «Легенда» («Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли?..») и «Она веселой невестой была...»², а на обороте титульного листа сборника «Стилоз Александрии» было объявлено о готовящемся сборнике Маккавейского «Quelques Vers», куда могли планироваться переводы из этих и других авторов.

Е. В. Кузнецова (Москва)

ИГРА С ПОЭТИКОЙ СИМВОЛИЗМА В СТИХОТВОРЕНИИ И. СЕВЕРЯНИНА «ГЕРОИЗА»

Поэзия Северянина, как и русский футуризм в целом, принадлежит к эпохе постсимволизма и укладывается в рамки авангарда начала XX века. По свидетельству многих исследователей футуризм, несмотря на декларативный разрыв с предшествующими литературными системами, оказался тесным образом связан с символизмом, самым масштабным течением эпохи модернизма: «В значительной мере основы русского футуризма намечались его главными оппонентами — символистами. Темы города, машинной цивилизации, всеобщего хаоса и разрыва привычных связей, отступления от нормативной поэтики, сложные виды рифм — все это уже наблюдалось в их поэзии»¹.

Наличие в творчестве Северянина символистских клише отмечал критик и литературовед К. Мочульский еще в статье 1921 года, только оценивал это явление однозначно негативно, как характеризующую поэта неоригинальность, подражательность:

«Так поэзия Северянина препарирует “изыски” символической школы, фабрикуя из них популярное издание “для всех”. (Пора популяризировать изыски! — Мороженое из сирени). <...> Обнажая язвы учителей, он не глумится над ними, но своим преклонением он еще подчеркивает их безобразие. <...> В творчестве И. Северянина в искаженном и извращенном лике изживается культура русского символизма. <...> Солнечные дерзания и “соловьиные трели” Бальмонта, демоническая эротика Брюсова, эстетизм Белого, Гиппиус и Кузмина, поэзия города Блока — все это слилось во всеобъемлющей пошлости И. Северянина»².

¹ Терехина В. Н. Русский футуризм: становление и своеобразие // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Кн.1. С. 140.

² Мочульский К. Игорь Северянин. Менестрель. Новейшие поэмы // Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб.: Росток, 2005. С. 547.

¹ См.: Гермес. Ежегодник искусства и гуманитарного знания. Киев, 1919. Сб. 1. С. 4–5 (доступен на сайте РНБ: <https://vivaldi.nl.ru/bx000009185/view#page>, дата просмотра 22.04.2019). Переводы Маккавейского вошли и в киевский сборник его трудов, но по неясной причине сонету Иванова там придана форма оригинала (см.: *Маккавейский В. Избранные сочинения*. С. 197).

² Осенью 1913 г. Маккавейский через редакцию «Русской мысли» обращался к Блоку с письмом, с переводом на французский его «Незнакомки», а, получив ответ, послал ему тем же способом и свои собственные стихотворения (Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. М., 1979. Вып. 2. С. 315–316; о пометах Блока на них см. также: Блок и литераторы / Публ. и комм. Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. М., 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 550).